

«Афон», «Свете тихий»), наполненные стихией света и чистоты. Нemoшь человеческой природы и устремленность души к небу, поднимающейся «до Божией мысли», выражены в цикле «Валаам». Стих. Л. включены в антологию «Русская поэзия. XX в.» (М., 2001. С. 881–882).

Л.— автор переводов с сербского отрывков из книги Драгиши Васича «Воспоминания о России», эпических песен из «Косовского цикла», стих. Джуро Кяшича, Десанки Максимович, Зорана Костича, опубликованных в кн. «Больше, чем все» и коллективном сб. «Над Сербией смилуйся Ты, Боже...» (Изд. Трифонова Печенгского монастыря, 2000).

Автор сценариев к телевизионным фильмам о святых Мефодии и Кирилле: «Солунский пролог» (1997) и «Торжество и смерть в Риме» (2001), а также «Старец Силуан Афонский» (2001).

«Гончаров» переведен на болгарский (София, 1983), «Дмитрий Донской» — на польский (Варшава, 1987), югославский (Белград-Приштина, 2000) и армянский, «Унион» — на сербский (Белград-Дервента, 1997) яз.; стих. из книги «Столица полей» переведил на сербский В. Ягличич.

Л. присуждались премии ж. «Огонек» (1982), «Наш современник» (за роман «Унион»), «Москва» (1999, за переводы сербской поэзии), премия им. А. С. Хомякова (2003), Большая лит. премия России (2003, за повесть «Пасха красная» и книгу прозы «Полумир»). В 1998 награжден Русской Православной Церковью орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени «во внимание к инициативе по воссозданию храма Христа Спасителя».

В начале 2000-х Л. работает над биографией святых Кирилла и Мефодия для серии «ЖЗЛ» (главы опубликованы в «Роман-ж. XXI век». 2004. № 4).

Соч.: Сковорода. М., 1972; Гончаров. М., 1977 и др. изд.; Земля-именинница. М., 1979; Дмитрий Донской. М., 1980 и др. изд.; Слушание земли: Исторические очерки, эссе. М., 1988; Столица полей: [Стихотворения]. М., 1990; Унион: Проза последних лет. М., 1995; Свидетельство: (Главы из книги) // Наш современник. 1995. № 9; Больше, чем всё. М., 2001; Полумир: Повесть, романы. М., 2003; Пасха красная // Путешествие в Палестину. М., 2004.

Лит.: Лыкошин С. Сердце у нас одно. М., 1984. С. 97–125; Любомудров А. Вечное в настоящем. М., 1990. С. 32–40; Володин Э. Бремя литературы. М., 1996. С. 125–129; Володин Э. Ответ перед Господом держать нам всем. М., 2002. С. 7–9, 134–138.

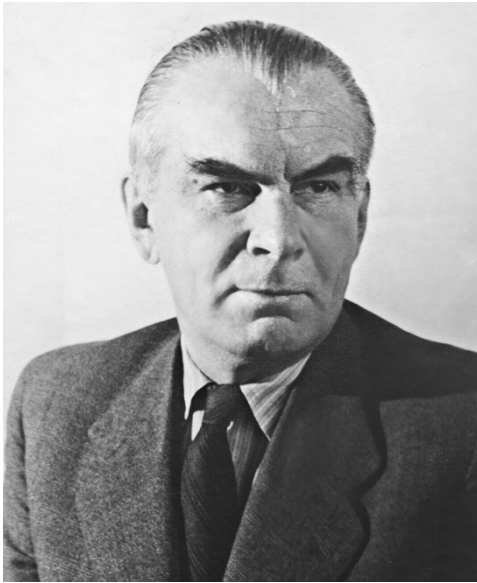
А. М. Любомудров

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович [18.6 (1.7).1901, Москва — 5.6.1957, Ялта] — поэт.

Родился в семье учителя русской лит-ры; после 7 классов гимназии некоторое время учился в 1-м Московском ун-те, затем уехал в Смоленск и поступил в Полевой контроль Западного фронта, где заболел сыпным тифом, вернулся в Москву. В 1919 Л. становится курсантом Главной школы всеобщего, в 1921 окончил Военно-педагогический ин-т, в 1924 демобилизовался из Красной Армии. А. В. Луначарский опубликовал в ж. «Новый мир» 2 стих. Л.: «**Год двадцатый**» и «**Разведка**». Второе стих. в первом сб. поэта «**Сполохи**» (1926) получило название «**Дозор**». За «Сполохами» последовали книги стихов «**Мускул**» (1929) и «**Страдания моих друзей**» (1930), в которых достаточно ясно определилась творческая индивидуальность поэта.

Как в поэзии Н. Тихонова, Н. Асеева, М. Светлова, Э. Багрицкого и др. поэтов 1920-х, в первых трех сб. Л. основным является мотив героики и романтики революции и Гражданской войны, который станет центральным и во всем его последующем творчестве. Л. разрабатывает этот мотив в жанрах баллады или стихотворной новеллы, с присутствием им сюжетной динамики, драматизмом коллизий и волевыми ритмами. Характерным примером такой баллады является сразу ставшая знаменитой баллада «**Песня о ветре**» (1926) из сб. «**Мускул**», первоначально называвшаяся «**Обреченный поезд**». Образы ветра и песни станут ключевыми в поэзии Л. «Итак, начинается песня о ветре, / О ветре, обутом в солдатские гетры, / О гетрах, идущих дорогой войны, / О войнах, которым стихи не нужны. / Идет эта песня, ногам помогая, / Качая штыки, по следам Улагая, / То чешской, то польской, то русскою речью / За Волгу, за Дон, за Урал, в Семирежье». А дальше ведется лаконичный, до предела сжатый рассказ о гибели эшелона с колчаковскими войсками, символизирующей крах всего Белого движения. Поэт постоянно изменяет ритм и темп повествования, использует в нем т. н. телеграфный стиль («Широки просторы. Лунь. Синь»), вводит солдатскую песню, написанную в фольклорном духе («Россия ты, Россия, российская страна, / Соха тебя пахала, боронила борона...» и т. д.).

Являясь с первого сб. «Сполохи» членом лит. центра конструктивистов (ЛЦК), Л. и в «Мускуле» широко прибегает к т. н. «локальному принципу», пропагандируемому этой лит. группой. Суть этого принципа сводилась к использованию таких компактных

В. А. Луговской

метафорических образов, в которых одна из составных частей должна обязательно соответствовать основной теме и смыслу произведения. В «Песне о ветре» это «ветер, обутий в солдатские гетры», выражение «месяц комиссарит, обходя посты» и др.

Поэзии Л. с самого начала свойственна внутренняя двойственность, которая со временем приобретала все более драматический и даже трагедийный характер. В поэте и его героях постоянно борются рефлексирующий интеллигент и волевой солдат революции, чувство и долг, личные привязанности и суровые требования эпохи. Эти противоборствующие начала образуют в поэзии Л. две взаимодействующие линии: лирическую, связанную с интимно-личными переживаниями, с любовью к женщине и восприятием природы, и эпическую, действенно-волевою, определяемую поступью времени. Книги стихов и поэм Л., в которых разворачиваются эти линии, придают его творчеству индивидуальный ритм, основанный на чередовании свободных проявлений лирических чувств и переживаний с волевыми усилиями, направленными на обуздание интимно-лирической стихии. Так, на смену «Сполохам» и воспеваемой в них стихийности, эпико-исторической и лирической, приходит сб. с выразительным названием «Мускул», в котором первенство отдано «сухой человеческой воле», приобретающей порой обезличенный характер, как у Н. Тихонова в «Балладе о гвоздях» и в «Балладе о синем пакете».

В стих. «Утро республик» (1927) Л. устами героя провозглашает: «Хочу позабыть свое имя и званье, / На номер, на литер, на кличку сменять». Это очень похоже на реализацию утопии пролетарского поэта А. Гастева, который еще в 1919 в статье «О тенденциях пролетарской культуры» писал о том, что в будущем «машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но и машинизирование обыденно-бытового мышления, соединение с крайним объективизмом, паразитально нормализует психологию пролетариата» и сообщил ей «паразитическую анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С или как 325, 075 и 0 и т. п. <...> В дальнейшем эта тенденция незаметно создает невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, исключений, замыканий» (Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 44).

Полемизируя с этой и подобными ей утопиями, Е. Замятин в антиутопии «Мы» (1920), героями которой являются Д-503, I-330 и 0-90, показал, к каким страшным последствиям может привести идея «механизированного коллективизма», а действительность времен сталинского казарменного социализма не преминула подтвердить опасения писателя. Л. вряд ли знал утопию А. Гастева и антиутопию Е. Замятина. Поэт стремился передать настроение общего дела — строительство республики, невиданный пафос этого строительства, который поглощал индивидуальную жизнь каждого из тех, кто принимал участие в этом строительстве. Автор стих. «Утро республик» ограничился лишь декларацией безымянности и безликости, в дальнейшем он нашел в себе силы присоединиться к др. идее, свойственной лучшим произведениям советской лит-ры: идее значимости человеческой личности, ее индивидуальных качеств, которая у Л. получит наиболее полное и глубокое раскрытие в его вершинных произведениях: книге поэм «**Северина века**», в книгах лирики «**Солнцеворот**» и «**Синяя весна**».

А на пути к вершинам поэт стремился расширить эпико-историческую линию своего творчества в книгах стихов «**Большевикам пустыни и весны**» (1930–53, первые 2 книги из четырех вышли в начале 1930-х) и «**Европа**» (1932). Вместе с тем в книге поэм «**Жизнь**» (1933) и книгах стихов «**Страдания моих друзей**» (1930), «**Каспийское море**» (1936), «**Новые стихи**» (1941) Л.

углубляет линию интимно-личную и философскую. В книгах «Большевикам пустыни и весны» и «Европа», написанных в очерково-публицистическом стиле, Л. приобретает к важной для его творчества теме **«Восток и Запад»** (так он назвал сб. стихов, вышедший в 1932), которая позднее получит свое углубление и расширение в его вершинных произведениях. Лирическими и философскими подступами к «Середине века», «Солнцевороту» и «Синей весне» можно считать 5 поэм (**«Красные часы»**, **«Комиссар»**, **«Мельник»**, **«Сапоги»** и **«Акрополь»**) из книги поэм «Жизнь», книги стихов «Каспийское море», «Новые стихи», в которых Л. полнее и глубже, чем раньше, раскрыл свои интимно-личные переживания и философско-исторические размышления. В итоговую для довоенного творчества Л. книгу «Новые стихи» вошла и песня-баллада **«Курсантская венгерка»** (1939), развивающая тему героики и романтики Гражданской войны.

Для понимания особенностей пути Л. многое дают его размышления о трагическом в жизни и в искусстве, высказанные им в речи на I съезде советских писателей в 1934. Восприятию Л. был близок трагизм героический, связанный с революцией и Гражданской войной, изображенный в драмах «Командарм-2» И. Сельвинского и «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского. Героический трагизм в его лирическом выражении поэт противопоставлял трагизму всего старого мира, в котором темный рок одерживал победу над одинокими богоборцами и искателями истины; с наступлением революционной эпохи и рождением нового мира приходят, по мнению Л., «сумерки трагедии», «страшный мир, мир трагедий» начинает гибнуть. «Я думаю,— говорил он,— что сумеркам трагедии мы противопоставляем мощный поток лирического ощущения мира. <...> Бесчисленным трагическим коллизиям мы противопоставляем бесчисленные проявления воли, ума, знания и мужества освобожденного человека» (С. Т. 3. С. 362–363). Основным средством преодоления и изживания трагизма у Л. становилась лирика, но не лирика интимная, которую поэт стремился обуздать и укротить (особенно в книге стихов «Мускул»), а лирика «большого стиля», соединяющая и концентрирующая в себе «боевое и личное», интимное и общественное, бытовое и бытийное, волю и философскую рефлексию. Образцами такой лирики Л. считал мн. вещи Маяковского, особенно «Во весь голос», «Последнюю ночь» Э. Багрицкого, находил ее приметы в «Лейтенанте Шмидте» Б. Пастернака и в «Поисках героя» Н. Тихонова.

У самого Л. такая лирика, выражающая «единый поток лирико-философского ощущения мира» (Там же. С. 363), представлена в книгах «Каспийское море» и «Новые стихи», она должна была стать основой того «видения мира в людях — строителях, творцах и героях» (Там же. С. 362), которое позднее реализуется в книге поэм «Середина века» (1942–57), «Солнцеворот» (1956) и «Синей весне» (1957, опубл. 1958).

В начале Великой Отечественной войны поэт пережил духовный кризис. Л. был направлен в распоряжение Северо-Западного фронта, где тяжело заболел; в октябре 1941 был эвакуирован в Ташкент, откуда вернулся в Москву в 1943. Болезнь Л., по свидетельству К. Симонова (см.: Левин Л.— С. 168–169, 298–299), была не только физической, но и моральной; поэт, зарекомендовавший себя певцом воли и мужества, мучительно переживал, что в годы великой войны он оказался не на фронте, а в тылу. Вспоминая о встрече с Л. в Ташкенте, Симонов писал: «Мне думается (думается уже сейчас, тогда, в 1943 году, я об этом не думал), что труд, над которым он запоем сидел тогда, труд над „Серединой века“, был необыкновенно важен для него. Это была не только творческая необходимость, но и жизненная, это было для него оправданием своего существования на земле там, вдали от фронта, в эвакуации. Я думаю, что именно эти поэмы, то, что он писал их тогда, именно это не дало ему тогда до конца сломаться, именно это, в конце концов, вывело его обратно в большую жизнь, к большому последнему, предсмертному взлету» (Левин Л.— С. 299).

В годы хрущевской «оттепели» Л. вместе с др. поэтами старших поколений пережил свою вторую молодость, которая позволила ему написать книги стихов «Солнцеворот», «Синяя весна» и завершить монументальную книгу лирико-драматических поэм «Середина века». Сам Л. дал выразительную характеристику этим своим произведениям в **«Автобиографии»**, завершенной незадолго до смерти (С. Т. 3. С. 509–510). Во вступлении к «Середине века» он так сказал о себе и о своем времени: «Я был участником событий мощных / В истории людей. <...> Как единична жизнь! В мозгу людей / Миры летят и государства гибнут. / В ночном раздумье человека ходят / Народы по намеченным путям. / И все же ты лишь капля в океане / Истории народа. Но она — / В тебе. Ты — в ней. Ты за нее в ответе. / За все в ответе — за победы, славу, / За муки и ошибки. И за тех, / Кто вел тебя. За герб, и гимн, и знамя. <...>

Увы, я не пророк. / Я лишь поэт, который славит время, / Живое, уплотненное до взрыва, / Великое для жизни всей земли».

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1956; Стихотворения и поэмы / вступ. статья и сост. В. Огнева; подгот. текста и прим. Н. Банк. М.; Л., 1966. (Б-ка поэта. Б. серия); СС: в 3 т. М., 1986–89.

Лит.: Турков А. Владимир Луговской. М., 1958; Луконин М. Владимир Луговской // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Мориц Ю. А. «Мир малого покоя» и «великая тревога революции»: О некоторых особенностях выражения характера в лирике В. Луговского 20-х годов // Науч. труды Ташкентского ун-та им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 280. Ташкент, 1965; Гусев В. В середине века: О лирической поэзии 50-х годов. М., 1967; Бройтман С. Н. К вопросу о центральной проблеме книги В. Луговского «Середина века» // Русская лит-ра. 1968. № 2; Левин Л. Владимир Луговской: Книга о поэте. 2-е изд., доп. М., 1972; Михайлов Ал. Автобиография века // Михайлов Ал. Ритмы времени. М., 1973; Соловей Э. Поэтический мир В. Луговского: Очерк творчества. М., 1977; Страницы воспоминаний о Луговском: сб. 2-е изд., доп. М., 1981.

М. Ф. Пьяных

ЛУКАШ Иван Созонтович [30.3(11.4).1892, Петербург — 15.5.1940, Медона, Франция] — прозаик.

Отец — выходец из крестьян Полтавской губ., ветеран русско-турецкой войны 1877–78. (С него, по семейному преданию, И. Е. Репин писал казака с перевязанной головой на

И. С. Лукаш

картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».) Мать — воспитанница художника А. П. Боголюбова. Атмосфера Петербурга, в которой рос Л., в значительной мере повлияла на духовный облик и характер интересов будущего писателя. «Я думаю, — вспоминал Л., — что все, что окружало наше детство страшным и великолепным видением, аркады и колоннады, синенущие в прозрачном холоде северной ночи, Минерва и Сфинксы из Фив и медная квадрига Аполлона, замерзшего в высоте арки, все было магическим заклинанием таинственной силы, которого теперь не знает никто» (**Сны Петра**. Белград, 1931. С. 120). Озаренный торжественным величием русской имперской столицы, Л. мечтал о том, «чтобы Российская держава была столь же гармоничной и ясной, как фасады петербургских дворцов». Он «сотворил себе идеал просвещенной великой империи, объединившей под знаменем Державина и Пушкина, Петра и Екатерины многие культурные периоды. В русском XVIII веке видел он зачатки этого „светлого царства“» (Любимов Л. Д.— С. 202). Образ Петербурга станет одним из сквозных в исторической прозе писателя.

Л. учился в петербургской ларинской гимназии, затем в частной гимназии Л. Д. Лентуловой (1909–12), на юридическом ф-те Петербургского ун-та (1912–16), который окончил с выпускным свидетельством (сдаче экзаменов помешали революционные события). В 1905–07 — пору «своей странной революционной и романтической юности» — проявил интерес к эсерам. Под воздействием книг Майн Рида совершил неудачный побег в Америку. Позднее на короткое время сблизился с петербургскими эгофутуристами. В 1910 при содействии И. Северянина издал свою первую книгу — сб. сюрреалистических «стихотворений в прозе» — **«Цветы ядовитые»**. В 1912 выступал в изданиях эгофутуристов «Оранжевая урна», «Петербургский глашатай», «Дачница», публикуя в них (под псевдонимом Иван Оредеж) ритмизованную прозу в стиле У. Уитмена, в альм. «Стеклянные цепи» — статьи о модной в ту пору поэзии И. Северянина. В канун Первой мировой войны в качестве репортера сотрудничал в газ. «Современное слово», «Речь», ж. «Огонек». В 1915 вступил добровольцем в Преображенский полк, полгода находился в прифронтовых тыловых учреждениях. Приветствовал Февральскую революцию (занимал кадетские позиции), писал о ее героях — солдатах и офицерах — очерки пропагандистского характера в газ. «Труд и воля» Временного комитета Гос. думы (**«Преобра-**